

Пушкин А.С.
Встретился в Пскове)

17.03.04

Наше все и все наше

Всероссийская Пушкиниана в Пскове

За одиннадцать лет фестиваль обрел свою собственную культурную память и некоторые традиции. Одна из них – неперенный заключительный, прощальный день в Михайловском. Это, пожалуй, надо заслужить.

Псковская ежегодная Пушкиниана и в самом деле занимает особую нишу в современной культурной жизни. Здесь “наше все” встречается со “всеми нашими” – всем, чем живут сегодня театр и общество. Соотношение и взаимодействие этого – главный сюжет Пушкинского фестиваля.

Здесь нет жюри, ведь “на фоне Пушкина”, в конце концов, все равны. Зато весьма живо проходит ежедневная “творческая лаборатория” в местной юношеской библиотеке, где филологи, режиссеры, критики прелюбопытно дополняют друг друга. Вот известный петербургский пушкинист С.Фомичев (а были еще и В.Кошелев из Новгорода, В.Курбатов из Пскова, С.Рассадин и поэт О.Чухонцев) выступает с замечательным докладом о феномене “наброска”, незавершенности в наследии поэта. А в программе фестиваля – свой вклад в эту тему. Актерский курс В.Рецептера, существующий на базе Пушкинского театрального центра, показал “Роман в письмах” и “Марью Шонинг” с тем самым пушкинским слогом легкого эскиза и глубины содержания.

Вообще поэзия и театр взаимопроницаемы, причем на разных уровнях. Многократное обращение к классическим литературным текстам – реальная потребность театра. Два “Евгения Онегина”, две “Барышню-крестьянку” в афише фестиваля – отличное тому подтверждение.

Пушкин универсален, а современная сцена неизбежно расщепляет целое. Попытки гармонии были. Таковым явилось открывшее фестиваль послание Большого драматического театра из Петербурга: сцены из “Бориса Годунова” в постановке Темура Чхеидзе. Артисты пленили благородной ясностью пушкинской речи и образами. У каждого свой Пушкин, и в значительном Пимене Кириллы Лаврова ощущим “труд, завещанный от Бога” самому артисту, хранителю традиций БДТ. В самой же ностальгической пленительности первого вечера фестиваля (после антракта в сопровождении церковного хора Ва-

лерий Ивченко прочел еще большой “Пушкинский цикл”) была своя односторонность. “Качели” новейшей Пушкинианы пришли в движение.

Уже на следующий день эта благородная артикулированность, четкость и прозрачность фокуса были сметены шквальным “Пиром во время чумы” (режиссер Аман Кулиев, театр из г. Дзержинска Нижегородской области). Это был неожиданный, по-детски безудержный “макабр”, разыгранный дуэтом актеров. Апокалиптичность игралась как универсальная характеристика современного мира. Односторонность тут не скрывалась – подчеркивалась гротесковой экспрессивностью. Обработка ре-минорной Фантазии Моцарта стала своего рода эмоциональным ключом. Актриса Лариса Шлядина играла с неженской силой и осталась в памяти как один из сильных актеров фестивальной программы.

Ее полной противоположностью оказалась другая “маленькая трагедия” – “Моцарт и Сальери” в исполнении Леонида Мозгового (режиссура А.Сокурова). Тихая интонация бесконечного внутреннего монолога Сальери была обеспечена высокой культурой артиста и завораживала драматизмом.

Порой из пушкинской гармонии выскакивает мрачная энергия. В этом смысле к “Пире” примыкает “Евгений Онегин” новгородского Малого театра (режиссер Надежда Алексеева).

За длинным столом сидят четверо молодых людей в черном. Мизансцена едва ли не из блоковского “Балаганчика”. Затем квартет исполнитель с явными приметами людей нового века стремительно разыгрывают сюжет “Онегина”, минув все божественные отступления. Но это не клиповая адаптация для любителей острых сюжетов. Онегин, постеснявшийся не убить, не отведший руку от друга, – это ведь данность пушкинского реально жестокого и очень жестокого сюжета. Вычерчивая именно его с максималистской выразительностью пантомимы, новгородцы не легкого пути искали. Они демонстрируют реальный вес пушкинского пера – как делает это, кстати, Анатолий Васильев со своими студийцами, акцентируя каждый пушкинский предлог (они были участниками прошлых фестивалей в Пскове).

Спектакль новгородцев находит современный нерв классического

текста. Другое дело, что последовательно проведенный концепт всегда уже оригинала. Несмотря на фантазию постановщика, темпераментную и слаженную игру актеров, действие начинает буксовать. Между тем “Евгению Онегину” нелегко пришлось еще раз – в спектакле гостей из таллинского “Салон-театра” (режиссер Эрки Ауле). Впрочем, на фоне предыдущей версии (оба спектакля шли в один день) эстонцы, скорее, представили свои несколько отстраненные иронические комментарии к поэме. То была шутивая адаптация вроде “Энеиды” Котляревского, не говоря уже о пушкинских соответствующих травестиях. Совершенно в жанре подобной травести был Онегин – Тоомас Кралль. Некоторый ужас навевала Татьяна – Кадри Ойм – полнейшей безэмоциональностью, как если бы всем остальным предстояло решить загадку сфинкса, заключенную в ней; и вполне по-онегински артистичным был Даян Ахмет, игравший множество персонажей.

Другой “дубль” фестиваля – “Барышня-крестьянка” Московский музыкальный театр “На Басманной” привез мюзикл А.Покидченко “Леди Акулина”, без загадок и открытий, с несколькими удачными номерами. Зрелище двигалось по накатанному рельсам – типичное “общее место” развлекательного спектакля. На следующий день после москвичей “Барышню-крестьянку” сыграли дети – и покорили, кажется, всех. Это была вторая после первого дня фестиваля “попытка гармонии”. У спектакля рижской студии “Реверанс” узнаваемый почерк. Кто видел спектакли шалировского ТЮЗа, не могут обмануться. Студией руководит Людмила Шевченко, ведущая актриса той славной труппы. “Легкое дыхание” совсем юных артистов, изящество рисунка приводят на память рисунки Нади Рушевой.

Воронежский ТЮЗ привез “Капитанскую дочку” (режиссер Александр Латушко), поставленную как цепь ярких воспоминаний-видений Петруши Гринева. Он убедил весьма качественной и осмысленной инсценировкой, сделанной режиссером, добротностью ансамбля актеров, выразительной сценографией (А.Голод). Пугачев (Александр Новиков) и Петруша Гринев (Вадим Кривошеев) – их судьбы завязались

в трагический узел, и финал, собравший героев у единой плахи, звучит мощно.

Последний, перед поездкой в Михайловское, день псковского фестиваля был особенно насыщенным и, как весь фестиваль, наглядно многогранным. “Ведогонь-Театр” из подмосковного Зеленограда показал “Анджело” – паравраза Пушкина по мотивам шекспировской “Меры за меру” (режиссер Павел Курочкин). Пушкинский парадокс об “идеальном человеке” воплощается молодым театром как реальная сущностная Игра о тягбе добра и зла.

А следом были представлены драматические сцены пушкинской “Истории Петра”. Эти стихотворные сцены под общим названием “Монарх (Петр и Алексей)”, сочиненные Владимиром Рецепттером, были им сыграны с исключительным эмоциональным подъемом. Энергичные, колоритные эпизоды сливались в единый всепоглощающий напор, под стать их главному персонажу, великому Петру.

В этот день показали еще два моноспектакля петербургских артистов из репертуара Пушкинского театрального центра. Юрий Томашевский выступил с композицией “На это скажут мне...” (“Несколько дней из жизни Пушкина”), продолжив ее импровизированной композицией уже из поэтов любимого Серебряного века и позднейших. Будто бы тень Пушкина мелькнула и здесь, в этих брызгах артистического вдохновения.

И все же это был канун скорбной даты. Спектакль Сергея Барковского “Жуковский. Прощание” на самом деле начинал театральную программу этого дня – и остался его доминантой. Два письма В.А.Жуковского из того трагического февраля сами по себе грандиозная литература (сценарная идея В.Рецептера). Спектакль, поставленный Андреем Андреевым, посвящен природе гения.

Театр Пушкина – все еще загадочный феномен, над разгадкой которого бьются и специалисты, и практики театра, а иные и кладут на эту задачу всю жизнь: как, например, вдохновитель фестиваля Владимир Рецепттер.

Надежда ТАРШИС
Псков – Петербург

Кулиев А. – 2004. – 11-17 марта. – 21.5